Шумеро-аккадская мифология

шумеро-аккадская мифология, мифология народов, населявших в древности долины рек Тигр и Евфрат (Двуречье, Месопотамию, или Междуречье), шумеров и аккадцев (вавилонян и ассирийцев, языком которых был аккадский).История формирования и развития мифологических представлений прослеживается на материалах изобразительного искусства приблизительно с сер. 6-го тысячелетия до н. э., а по письменным источникам с начала 3-го тысячелетия.Шумерская мифология.

Шумерийцы племена неизвестного происхождения, в конце 4-го тысячелетия до н. э. освоили долину Тигра и Евфрата и образовали первые в Двуречье города-государства. Шумерский период истории Двуречья охватывает около полутора тысяч лет, он завершается в конце 3 начале 2-го тысячелетия до н. э. так называемой III династией города Ура и династиями Исина и Ларсы, из которых последняя была уже только частично шумерской.

Ко времени образования первых шумерских городов-государств, видимо, сформировалось представление об антропоморфном божестве. Божества покровители общины являлись в первую очередь олицетворением творящих и производящих сил природы, с которыми соединяются представления о власти военного вождя племени-общины, совмещающейся (сначала нерегулярно) с функциями верховного жреца.

Из первых письменных источников (самые ранние пиктографические тексты так называемого периода Урук III Джемдет-Наср датируются концом 4 началом 3-го тысячелетия) известны имена (или символы) богов Инан-ны, Энлиля и др., а со времени так называемого периода Абу-Салябиха (поселения близ Ниппура) и Фары (Шуруппака) XXVII XXVI вв. теофорные имена и наиболее древний список богов (так называемый «список А»). Самые ранние собственно мифологические литературные тексты гимны богам, списки пословиц, изложение некоторых мифов (например, об Энлиле) восходят также к периоду Фары и происходят из раскопок Фары и Абу-Салябиха.

От времени правления лагашского правителя Гудеи (около XXII в. до н. э.) дошли строительные надписи, дающие важный материал, касающийся культа и мифологии

(описание обновления главного храма города Лагаш Энинну «храма пятидесяти» для Нингирсу, бога-покровителя города). Но главная масса шумерских текстов мифологического содержания (литературных, учебных, собственно мифологических и др., так или иначе связанных с мифом) относится к концу 3 началу 2-го тысячелетия, к так называемому старовавилонскому периоду времени, когда шумерский язык уже вымирал, но вавилонская традиция ещё сохранила систему преподавания на нём.

Таким образом, ко времени появления письменности в Двуречье (конец 4-го тысячелетия до н. э.) здесь зафиксирована определённая система мифологических представлений. Но в каждом городе-государстве сохранялись свои божества и герои, циклы мифов и своя жреческая традиция.

До конца 3-го тысячелетия до н. э. не было единого систематизированного пантеона, хотя имелось несколько общешумерских божеств: Энлиль, «владыка воздуха», «царь богов и людей», бог города Ниппур, центра древнейшего шумерского племенного союза; Энки, владыка подземных пресных вод и мирового океана (позднее и божество мудрости), главный бог города Эреду(г), древнейшего культурного центра Шумера; Ан, бог неба, и Инанна, богиня войны и плотской любви, божества города Урук, возвысившегося в конце 4 начале 3-го тысячелетия до н. э.; Нанна, лунный бог. почитавшийся в Уре; бог-воитель Нингирсу, чтившийся в Лагаше (этот бог позднее отождествлялся с лагашским Нинуртой), и др. Древнейший список богов из Фары (около XXVI в. до н. э.) выделяет шесть верховных богов раннешумерского пантеона: Энлиль, Ан, Инанна, Энки, Нанна и солнечный бог Уту.Древние шумерские божества, в том числе и астральные боги, сохраняли функцию божества плодородия, которое мыслилось как бог-покровитель отдельной общины.

Один из наиболее типичных образов образ богини-матери (в иконографии с ней иногда связывают изображения женщины с ребёнком на руках), которая почиталась под разными именами: Дамгаль-нуна, Нинхурсаг, Нинмах (Мах), Нин-ту, Мама, Мами. Аккадские варианты образа богини-матери Белетили («владычица богов»), та же Мами (имеющая в аккадских текстах эпитет «помогающая при родах») и Аруру создательница людей в ассирийских и нововавилонских мифах, а в эпосе о Гильгамеше «дикого» человека (символ первочеловека) Энкиду.

Не исключено, что с образом богини-матери связаны и богини-покровительницы городов: так, шумерские богини Бау и Гатумдуг также носят эпитеты «мать», «мать всех городов».В мифах о богах плодородия прослеживается тесная связь мифа с культом. В культовых песнях из Ура (конец 3-го тысячелетия до н. э.) говорится о любви жрицы

«лукур» (одна из значительных жреческих категорий) к царю Шу-Суэну и подчёркивается священный и официальный характер их соединения.

Гимны обожествлённым царям III династии Ура и I династии Исина также показывают, что между царём (одновременно и верховным жрецом «эном») и верховной жрицей ежегодно совершался обряд священного брака, в котором царь представлял воплощение бога-пастуха Думузи, а жрица богини Инанны. Содержание произведений (составляющих единый цикл «Инанна Думузи») включает в себя мотивы ухаживания и свадьбы героев-богов, нисхождения богини в подземное царство («страну без возврата») и замену её героем, гибели героя и плача по нему и возвращения (на ограниченное время, но, видимо, периодически) героя на землю (изложение мифов см. в статье Инанна).

Все произведения цикла оказываются преддверием драмы-действа, составлявшей основу ритуала и образно воплощавшей метафору «жизнь смерть жизнь». Многочисленность вариантов мифа, равно как и образов уходящих (гибнущих) и возвращающихся божеств (каким в данном случае выступает Думузи), связана, как и в случае с богиней-матерью, с разъединённостью шумерских общин и с самой метафорой «жизнь смерть жизнь», всё время меняющей свой облик, но постоянной и неизменной в своём обновлении.

Более специфична идея замены, лейтмотивом проходящая через все мифы, связанные со спуском в подземное царство. В мифе об Энлиле и Нинлиль в роли умирающего (уходящего) и воскресающего (возвращающегося) божества выступает покровитель общины Ниппура владыка воздуха Энлиль, силой овладевший Нинлиль, изгнанный за это богами в подземный мир, но сумевший его покинуть, оставив вместо себя, жены и сына «заместителей».

По форме требование «за голову голову» выглядит юридической уловкой, попыткой обойти закон, незыблемый для любого, кто вошёл в «страну без возврата». Но в нём звучит и идея некоего равновесия, стремления к гармонии между миром живых и мёртвых.

В аккадском тексте о нисхождении Иштар (соответствует шумерской Инанне), равно как и в аккадском же эпосе об Эрре, боге чумы, эта идея сформулирована более отчётливо: Иштар перед воротами «страны без возврата» грозится в случае, если её не впустят,

«выпустить мертвецов, поедающих живых», и тогда «более живых умножатся мёртвые», и угроза действует.Мифы, имеющие отношение к культу плодородия, дают сведения о представлениях шумерийцев о подземном царстве. О местонахождении подземного царства (шумер.

Кур, Ки-галь, Эден, Иригаль, Арали, вторичное название кур-ну-ги, «страна без возврата»; аккадские параллели к этим терминам эрцету, церу) чёткого представления нет. Туда не только спускаются, но и «проваливаются»; границей подземного царства служит подземная река, через которую переправляет перевозчик.

Попадающие в преисподнюю проходят через семь ворот подземного мира, где их встречает главный привратник Нети. Участь мёртвых под землёй тяжела. Хлеб их горек (иногда это нечистоты), вода солона (питьём могут служить и помои).

Подземный мир тёмен, полон пыли, его обитатели, «как птицы, одеты одеждою крыльев». Представления о «ниве душ» нет, как нет и сведений о суде мёртвых, где судили бы по поведению в жизни и по правилам морали.

Сносной жизни (чистой питьевой воды, покоя) удостаиваются души, по которым был исполнен погребальный обряд и принесены жертвы, а также павшие в бою и многодетные. Судьи подземного мира, ануннаки, сидящие перед Эрешкигаль, владычицей подземного царства, выносят только смертные приговоры.

Имена мёртвых заносит в свою таблицу женщина-писец подземного царства Гештинанна (у аккадцев Белет-цери). В числе предков жителей подземного мира многие легендарные герои и исторические деятели, например Гильгамеш, бог Сумукан, основатель III династии Ура Ур-Намму.

Непогребённые души мёртвых возвращаются на землю и приносят беду, погребённые переправляются через «реку, которая отделяет от людей» и является границей между миром живых и миром мёртвых. Реку пересекает лодка с перевозчиком подземного мира Ур-Шанаби или демоном Хумут-Табалом.Собственно космогонические шумерские мифы неизвестны.

В тексте «Гильгамеш, Энкиду и подземный мир» говорится, что некие события происходили в то время, «когда небеса отделились от земли, когда Ан забрал себе небо, а Энлиль землю, когда Эрешкигаль подарили Куру». В мифе о мотыге и топоре говорится, что землю от небес отделил Энлиль, миф о Лахар и Ашнан, богинях скота и зерна, описывает ещё слитное состояние земли и небес («гора небес и земли»), которым, по всей видимости, ведал Ан.

Миф «Энки и Нинхурсаг» рассказывает об острове Тильмун как о первозданном рае.О сотворении людей дошло несколько мифов, но полностью самостоятелен из них лишь один об Энки и Нинмах. Энки и Нинмах лепят человека из глины Абзу, подземного мирового океана, и привлекают к процессу создания богиню Намму «мать, давшую жизнь всем богам».

Цель создания человека трудиться на богов: обрабатывать землю, пасти скот, собирать плоды, кормить богов своими жертвами. Когда человек изготовлен, боги определяют ему судьбу и устраивают по этому случаю пир.

На пиру захмелевшие Энки и Нинмах начинают снова лепить людей, но у них получаются уроды: женщина, неспособная рожать, существо, лишённое пола, и т. д. В мифе о богинях скота и зерна необходимость создания человека объясняется тем, что появившиеся до него боги ануннаки не умеют вести никакого хозяйства. Неоднократно проскальзывает представление, что раньше люди росли под землёй, как трава.

В мифе о мотыге Энлиль проделывает мотыгой дыру в земле и оттуда выходят люди. Этот же мотив звучит во введении к гимну городу Эреду(г).Много мифов посвящено созданию и рождению богов. Широко представлены в шумерской мифологии культурные герои.

Творцами-демиургами выступают в основном Энлиль и Энки. Согласно разным текстам богиня Нин-каси зачинательница пивоварения, богиня Утту ткацкого ремесла, Энлиль создатель колеса, зерна; садоводство изобретение садовника Шукалитудды.

Некий архаический царь Энмедуранки объявляется изобретателем разных форм предсказания будущего, в том числе предсказаний при помощи излияния масла.

Изобретатель арфы некий Нингаль-Папригаль, эпические герои Энмеркар и Гильгамеш создатели градостроения, а Энмеркар ещё и письменности.Эсхатологическая линия (хотя и не в прямом смысле слова) отражена в мифах о потопе (см. в статье Зиусудра) и о «гневе Инанны».В шумерской мифологии сохранилось крайне мало рассказов о борьбе богов с чудовищами, уничтожении стихийных сил и т. д. [пока известно только два таких сказания о борьбе бога Нинурты (вариант Нингир-су) со злым демоном Асагом и о борьбе богини Инанны с чудовищем Эбих].

Такие сражения в большинстве случаев удел героической личности, обожествлённого царя, тогда как большинство деяний богов связано с их ролью божеств плодородия (наиболее архаичный момент) и носителей культуры (наиболее поздний момент). Функциональной амбивалентности образа соответствует внешняя характеристика персонажей: эти всесильные, всемогущие боги, творцы всего живого на земле, злы, грубы, жестоки, их решения часто объясняются капризами, пьянством, распущенностью, в их облике могут быть подчёркнуты бытовые непривлекательные черты (грязь под ногтями, выкрашенными в красный цвет, у Энки, растрёпанные волосы Эрешкигаль и т. д.).

Разнообразна и степень активности и пассивности каждого божества. Так, наиболее живыми оказываются Инанна, Энки, Нинхурсаг, Думузи, некоторые второстепенные божества. Самый пассивный бог «отец богов» Ан.

Образы Энки, Инанны и отчасти Энлиля сопоставимы с образами богов-демиургов, «носителей культуры», в чьих характеристиках подчёркиваются элементы комизма, богами первобытных культов, живущими на земле, среди людей, чей культ и вытесняет культ «высшего существа». Но при этом никаких следов «тео-махии» борьбы старых и новых поколений богов в шумерской мифологии не обнаружено.

Один канонический текст старовавилонского времени начинается с перечисления 50 пар богов, предшествовавших Ану: их имена образованы по схеме: «владыка (владычица) того-то». Среди них назван один из древнейших, судя по некоторым данным, богов Энмешарра («господин всех ме»).

Из источника ещё более позднего времени (новоассирийского заклинания 1-го тысячелетия до н. э.) мы узнаём, что Энмешарра «тот, кто передал Ану и Энлилю

скипетр и господство». В шумерской мифологии это божество хтоническое, но нет никаких свидетельств, что в подземное царство Энмешарра был низвергнут насильственно.Из героических сказаний до нас дошли только сказания урукского цикла.

Героями сказаний являются три правивших последовательно царя Урука: Энмеркар, сын Мескингашера, легендарного основателя I династии Урука (XXVII XXVI вв. до н. э.; по преданию, династия вела своё начало от бога солнца Уту, чьим сыном считался Мескин-гашер); Лугальбанда, четвёртый правитель династии, отец (а возможно, родовой бог) Гильгамеша, наиболее популярного героя шумерской и аккадской литературы.Единой для произведений урукского цикла внешней линией является тема связей Урука с окружающим миром и мотив странствия (путешествия) героев. Тема путешествия героя в чужеземную страну и испытание его моральной и физической силы в соединении с мотивами волшебных даров и волшебного помощника не только показывает степень мифологизации произведения, составленного как героико-исторический памятник, но позволяет вскрыть и стадиально ранние мотивы, связанные с обрядами инициации.

Связь этих мотивов в произведениях, последовательность чисто мифологического уровня изложения сближает шумерские памятники с волшебной сказкой.В ранних списках богов из Фары герои Лугальбанда и Гильгамеш приписаны к богам; в более поздних текстах они появляются как боги подземного мира. Между тем в эпосе урукского цикла Гильгамеш, Лугальбанда, Энмеркар, хотя и обладают мифоэпическими и сказочными чертами, выступают как реальные цари правители Урука.

Их имена фигурируют и в так называемом «царском списке», составленном в период III династии Ура (видимо, около 2100 до н. э.) (все династии, упомянутые в списке, делятся на «допотопные» и правившие «после потопа», царям, особенно допотопного периода, приписывается мифическое число лет правления: Мескингашеру, основателю династии Урука, «сыну бога солнца», 325 лет, Энмеркару 420 лет, Гильгамешу, который назван сыном демона лилу, 126 лет). Эпическая и внеэпическая традиция Двуречья имеет, таким образом, единое общее направление представление об историчности главных мифоэпических героев.

Можно допустить, что Лугальбанда и Гильгамеш были обожествлены посмертно, как герои. Иначе обстояло дело с начала староаккадского периода. Первым правителем, объявившим себя ещё при жизни «богом-покровителем Аккада», был аккадский царь XXIII в. до н. э.

Нарам-Суэн; в период III династии Ура культовое почитание правителя достигло апогея.Характерное для многих мифологических систем развитие эпической традиции из мифов о культурных героях на шумерской почве, как правило, не имело места. Мифы о богах-изобретателях представляли собой в основном сравнительно поздние произведения.

Эти мифы не столько коренились в традиции или исторической памяти народа, сколько были разработаны методами концептуального спекулятивного мышления, что видно из искусственного образования имён многих второстепенных богов «деятелей культуры», являющихся деификацией какой-либо функции. Но и тема, разрабатываемая в мифологических эпосах, в большинстве случаев актуальна, несёт определённые идеологические установки, хотя в основу могло быть положено древнее традиционное действо.

Характерной актуализацией древних форм (в частности, традиционного мотива путешествия) выглядит и нередко встречающийся в шумерских мифологических текстах мотив путешествия бога к другому, высшему, божеству за благословением (мифы об Инанне и ме, о путешествии Энки к Энлилю после постройки его города, о путешествии лунного бога Нанны в Ниппур к Энлилю, своему божественному отцу, за благословением).Период III династии Ура, время, от которого дошла большая часть письменных мифологических источников, это период выработки идеологии царской власти в наиболее законченной в шумерской истории форме. Поскольку миф оставался господствующей и наиболее «организованной» областью общественного сознания, ведущей формой мышления, постольку именно через миф утверждались соответствующие идеи.

Поэтому не случайно, что большинство текстов относится к одной группе ниппурскому канону, составленному жрецами III династии Ура, а основные центры, чаще всего упоминаемые в мифах: Эреду(г), Урук, Ур, тяготевшие к Ниппуру как традиционному месту общешумерского культа. «Псевдо-миф», миф-концепцию (а не традиционную композицию) представляет собой и миф, объясняющий появление в Двуречье семитских племён амореев и дающий этиологию их ассимиляции в обществе, миф о боге Марту (само имя бога деификация шумерского названия западносемитских кочевников). Миф, лежащий в основе текста, не разрабатывал древнюю традицию, а был взят из исторической реальности.

Но и следы общеисторической концепции представления об эволюции человечества от дикости к цивилизации (нашедшего отражение уже на аккадском материале в

истории «дикого человека» Энкиду в аккадском эпосе о Гильгамеше) проступают сквозь «актуальную» концепцию мифа. После падения в конце 3-го тысячелетия до н. э. под натиском амореев и эламитов III династии Ура почти все правящие династии отдельных городов-государств Двуречья оказались аморейскими; возвышается Вавилон с аморейской династией (старовавилонский период).

Однако в культуре Двуречья соприкосновение с аморейскими племенами почти не оставило следа.Аккадская (вавилоно-ассирийская) мифология. С глубокой древности восточные семиты аккадцы, занимавшие северную часть нижнего Двуречья, были соседями шумерийцев и находились под сильным шумерским влиянием.

Во 2-й половине 3-го тысячелетия до н. э. аккадцы утверждаются и на юге Двуречья, чему способствовало объединение Двуречья правителем города Аккад Саргоном Древним в «царство Шумера и Аккада» (позднее, с возвышением Вавилона, эта территория стала называться Вавилонией). История Двуречья во 2-м тысячелетии до н. э. это уже история семитских народов.

Однако слияние шумерского и аккадского народов происходило постепенно, вытеснение шумерского языка аккадским (вавилоно-ассирийским) не означало полного уничтожения шумерской культуры и замены её новой, семитской.Ни одного раннего чисто семитского культа на территории Двуречья до сих пор не обнаружено. Все известные нам аккадские боги шумерского происхождения или с давних пор отождествлены с шумерскими.

Так, аккадский бог солнца Шамаш отождествился с шумерским Уту, богиня Иштар с Инанной и рядом других шумерских богинь, бог бури Адад с Ишкуром и т. д. Бог Энлиль получает семитский эпитет Бел, «владыка». С возвышением Вавилона всё большую роль начинает играть главный бог этого города Мардук, но и это имя по своему происхождению шумерское.Аккадские мифологические тексты старовавилонского времени известны гораздо меньше, чем шумерские; ни один текст не дошёл полностью.

Все главные источники по аккадской мифологии относятся ко 2 1-му тысячелетию до н. э., то есть ко времени после старовавилонского периода.Если о шумерской космогонии и теогонии сохранились весьма отрывочные сведения, то вавилонское космогоническое учение представлено большой космогонической поэмой-эпосом «Энума элиш» (по первым словам поэмы «Когда вверху»; наиболее ранняя версия датируется началом X

в. до н. э.). Поэма отводит главную роль в сотворении мира Мардуку, который постепенно занимает главное место в пантеоне 2-го тысячелетия, а к концу старовавилонского периода получает всеобщее признание и вне Вавилона (изложение космогонического мифа см. в статье Абзу и Мардук).В сравнении с шумерскими представлениями о мироздании новым в космогонической части поэмы является представление о последовательных поколениях богов, из которых каждое превосходит предыдущее, о теомахии сражении старых и новых богов и унифицирование многих божественных образов созидателей в один.

Идея поэмы в оправдании возвеличивания Мардука, цель создания её доказать и показать, что Мардук прямой и законный наследник древних могучих сил, в том числе и шумерских божеств. «Исконные» шумерские боги оказываются при этом молодыми наследниками более древних сил, которые они сокрушают. Он получает власть не только на основании законной преемственности, но и по праву сильнейшего, поэтому тема борьбы и насильственного свержения древних сил является лейтмотивом сказания.

Черты Энки-Эйя, как и других богов, перенесены на Мардука, но Эйя делается отцом «владыки богов» и его советником.В ашшурской версии поэмы (конец 2-го тысячелетия до н. э.) Мардука заменяет Ашшур, главный бог города Ашшур и центральное божество ассирийского пантеона. Это стало проявлением общей тенденции к унификации и к монотеизму, точнее монолатрии, выражающейся в стремлении выделить основного бога и коренящейся не только в идеологической, но и в общественно-политической ситуации 1-го тысячелетия до н. э.

Ряд космологических мотивов «Энума элиш» дошёл до нас в греческих переложениях вавилонского жреца IV III вв. до н. э. Бероса (через Полигистора и Евсебия), а также греческого писателя VI в. н. э. Дамаския.

У Дамаския присутствует ряд поколений богов: Тауте и Апасон и сын их Мумие (Тиамат, Апсу, Мумму), а также Лахе и Лахос, Киссар и Ассорос (Лахму и Лахаму, Аншар и Кишар), их дети Анос, Иллинос, Аос (Ану, Энлиль, Эйя). Аос и Дауке (то есть богиня Дамкина) создают бога-демиурга Бела (Мардука).

У Бероса владычицей, соответствующей Тиамат, является некая Оморка («море»), которая господствует над тьмой и водами и описание которой напоминает описание злобных вавилонских демонов. Бог Бел её разрубает, создаёт небо и землю, организует

мировой порядок и приказывает отрубить голову одному из богов, чтобы из его крови и земли создать людей и животных.Мифы о сотворении мира и рода людского в вавилонской литературе и мифографии связаны со сказаниями о человеческих бедствиях, гибели людей и даже о разрушении вселенной.

Как и в шумерских памятниках, в вавилонских сказаниях подчёркивается, что причина бедствий злоба богов, их желание уменьшить число всё растущего и надоедающего богам своим шумом рода человеческого. Бедствия воспринимаются не как законное возмездие за людские грехи, но как злой каприз божества.Миф о потопе, в основу которого, по всем данным, легло шумерское сказание о Зиусудре, дошёл в виде мифа об Атрахасисе и рассказа о потопе, вставленного в эпос о Гильгамеше (и мало отличающегося от первого), а также сохранился в греческой передаче Бероса.

О наказании людей рассказывает и миф о боге чумы Эрре, обманным путём отбирающем власть у Мардука. Этот текст проливает свет на вавилонскую теологическую концепцию некоего физического и духовного равновесия мира, зависящего от присутствия на своём месте законного владельца (ср. шумеро-аккадский мотив равновесия между миром живых и мёртвых).

Традиционным для Двуречья (ещё с шумерского периода) является и представление о связи божества со своей статуей: покидая страну и статую, бог тем самым меняет местожительство. Это совершает Мардук, и стране наносится ущерб, а для вселенной создаётся угроза гибели.

Характерно, что во всех эпосах об уничтожении человечества главное бедствие потоп, вызвано не наводнением с моря, но дождевой бурей. С этим связана и значительная роль богов бури и ураганов в космогонии Двуречья, особенно северного.

Кроме специальных богов ветра и грозы, бури (главный аккадский бог Адад), ветры были сферой деятельности различных богов и демонов. Так, по традиции, им, вероятно, был и верховный шумерский бог Энлиль [дословное значение имени «господин (дыхание) ветра», или «владыка-ветер»], хотя в основном он бог воздуха в широком смысле слова.

Но всё же Энлиль владел разрушительными бурями, которыми он уничтожал врагов и ненавистные ему города. Сыновья Энлиля Нинурта и Нингирсу, также связаны с бурей.

Как божества, во всяком случае как персонифицированные высшие силы, воспринимались ветры четырёх сторон (особенно важную роль играл южный ветер ср. миф об Адапе или о борьбе с Анзу, где южный ветер помощник Нинурты).Вавилонское сказание о сотворении мира, сюжет которого был построен вокруг личности могучего божества, эпическая разработка эпизодов, повествующих о сражении бога-героя с чудовищем олицетворением стихии, дало начало теме бога-героя в вавилонской эпико-мифологической литературе (а не героя-смертного, как в шумерской литературе).Мотив таблиц судеб связан с шумерскими представлениями о ме. По аккадским понятиям, таблицы судеб определяли движение мира и мировых событий.

Обладание ими обеспечивало мировое господство (ср. «Энума элиш», где ими первоначально владела Тиамат, затем Кингу и, наконец, Мардук). Писец таблиц судеб бог писцового искусства и сын Мардука Набу также иногда воспринимался как их обладатель.

Таблицы писали и в подземном мире (писец богиня Белет-цери); видимо, это была фиксация смертных приговоров, а также имена мёртвых.Если число богов-героев в вавилонской мифологической литературе по сравнению с шумерской преобладает, то о героях-смертных, кроме эпоса об Атрахасисе, известны только сказание (явно шумерского происхождения) об Этане герое, попытавшемся взлететь на орле на небо, и сравнительно поздний рассказ об Адапе мудреце, осмелившемся «обломать крылья» ветру и вызвать гнев бога неба Ана, но упустившем возможность добыть бессмертие, и знаменитый эпос о Гильгамеше не простое повторение шумерских сказаний о герое, а произведение, отразившее сложную мировоззренческую эволюцию, которую вместе с вавилонским обществом проделали герои шумерских произведений. Лейтмотив эпических произведений вавилонской литературы недостижение человеком участи богов, несмотря на все его стремления, тщетность человеческих усилий в попытке получить бессмертие.Монархически-государственный, а не общинный (как в шумерской мифологии) характер официальной вавилонской религии, равно как и подавление общественной жизни населения, приводит к тому, что черты архаической религиозно-магической практики постепенно подавляются.

Со временем всё большую роль начинают играть «личные» боги. Представление о личном боге каждого человека, который облегчает ему доступ к великим богам и вводит

его к ним, возникает (или, во всяком случае, распространяется) со времени III династии Ура и в старовавилонском периоде.

На рельефах и печатях этого времени часты сцены, изображающие, как божество-покровитель ведёт человека к верховному богу для определения ему судьбы и для получения благословения. В период III династии Ура, когда царя рассматривали как защитника-хранителя своей страны, он принимал некоторые функции бога-защитника (особенно обожествлённый царь).

Считалось, что с потерей своего бога-защитника человек становился беззащитным перед злобным своеволием великих богов, легко мог подвергнуться нападению злых демонов. Кроме личного бога, который должен был прежде всего принести удачу своему покровительствуемому, и личной богини, олицетворявшей его жизненную «долю», каждый человек имел ещё своего шеду (ср. шумер, алад) антропоморфизированную или зооморфизированную жизненную силу.

Кроме этих защитников, у жителя Вавилонии во 2 1-м тысячелетии до н. э. появляется и своя личная хранительница ламассу, носительница его личности, возможно, связанная с культом плаценты. «Имя» человека или его «слава» (шуму) тоже рассматривались как материальная субстанция, без которой немыслимо его существование и которая передавалась его наследникам. Напротив, «душа» (напишту) что-то безличное, она отождествлялась то с дыханием, то с кровью.

Личные боги-хранители противостояли злу и были как бы антиподами злых сил, окружающих человека. Среди них львиноголовая Ламашту, поднимающаяся из подземного мира и ведущая за собой всевозможные болезни, сами злые духи болезней, призраки, озлобленные тени мёртвых, не получающие жертв, разного рода служебные духи подземного царства (утукки, асакки, этимме, галле, галле лемнути «черти злые», и т. д.), бог-судьба Намтар, приходящий к человеку в час его смерти, ночные духи-инкубы лилу, посещающие женщин, суккубы лилит (лилиту), овладевающие мужчинами, и др.

Сложнейшая система демонологических представлений, сложившаяся в вавилонской мифологии (и не засвидетельствованная в шумерских памятниках), получила отражение и в изобразительном искусстве.Общая структура пантеона, сложение которой относится ещё к III династии Ура, в основном остаётся без особых перемен в течение всей эпохи древности. Во главе всего мира официально стоит триада Ану, Энлиль и Эйя,

окружённые советом из семи или двенадцати «великих богов», определяющих «доли» (шимату) всего на свете.

Все боги мыслятся разделёнными на две родовые группы игигов и ануннаков, боги земли и подземного мира, как правило, относятся к числу последних, хотя и среди небесных богов также есть боги-ануннаки. В преисподней, однако, правит уже не столько Эрешкигаль, сколько её супруг Нергал, подчинивший свою супругу, что соответствует общему уменьшению роли женских божеств в вавилонской мифологии, низведённых, как правило, почти исключительно до положения безличных супруг своих божественных мужей (по существу, особое значение сохраняют лишь богиня врачевания Гула и Иштар, хотя, судя по эпосу о Гильгамеше, и её положение оказывается под угрозой).

Но шаги в направлении определённой монолатрии, проявившиеся в усилении культа Мардука, который монополизировал к концу 2-го тысячелетия почти все области божественной деятельности и власти, делаются и дальше. В единый образ «владыки» Бела сливаются Энлиль и Мардук (в Ассирии Энлиль и Ашшур).

В 1-м тысячелетии до н. э. Мардука в ряде центров постепенно начинает вытеснять его сын, бог писцового искусства Набу, который имеет тенденцию к тому, чтобы стать общевавилонским божеством.

Свойствами одного бога наделяются другие божества, и качества одного бога определяются при помощи качеств других богов. Это ещё один путь к созданию образа единого всемогущего и всесильного божества чисто абстрактным способом.Памятники (в основном 1-го тысячелетия) дают возможность реконструировать общую систему космогонических воззрений вавилонских теологов, хотя нет полной уверенности в том, что подобная унификация самими вавилонянами была осуществлена.

Микрокосм представляется отражением макрокосма «низ» (земля) как бы отражением «верха» (небес). Вся вселенная как бы плавает в мировом океане, земля уподобляется большому перевёрнутому круглому челну, а небо твёрдому полусводу (куполу), накрывающему мир.

Всё небесное пространство делится на несколько частей: «верхнее небо Ану», «среднее небо», принадлежащее игигам, в центре которого находилась лазуритовая целла Мардука, и «нижнее небо», уже видимое людям, на котором расположены звёзды. Все небеса сделаны из разных пород камня, например «нижнее небо» из синей яшмы; над этими тремя небесами помещается ещё четыре неба.

Небо, как здание, покоится на основании, прикреплённом к небесному океану колышками и, подобно земному дворцу, защищённом от воды крепостным валом. Самая высокая часть небесного свода носит название «середина небес».

Внешняя сторона купола («внутренность небес») излучает свет; это то пространство, где скрывается луна Син во время своей трёхдневной отлучки и где солнце Шамаш проводит ночь. На востоке находится «гора восхода», на западе «гора заката», которые заперты на замок.

Каждое утро Шамаш открывает «гору восхода», отправляется в путь по небу, а вечером через «гору заката» скрывается во «внутренности небес». Звёзды на небесном своде это «образы» или «письмена», и каждой из них определено твёрдое место, чтобы ни одна «не сбилась со своего пути».

Земной географии соответствует география небесная. Прообразы всего сущего: стран, рек, городов, храмов существуют на небе в виде звёзд, земные предметы являют собой лишь отражения небесных, но обе субстанции имеют каждая свои измерения.

Так, небесный храм примерно вдвое больше земного. План Ниневии первоначально был вычерчен на небесах и существовал издревле. В одном созвездии расположен небесный Тигр, в другом небесный Евфрат.

Каждому городу соответствует определённое созвездие: Сиппару созвездие Рака, Вавилону, Ниппуру другие, чьи названия не идентифицированы с современными. На страны разделены и солнце и месяц: на правой стороне месяца Аккад, на левой Элам, верхняя часть месяца Амурру (амореи), нижняя часть страна Субарту.

Под небесным сводом лежит (как перевёрнутая лодка) «ки» земля, которая также разделена на несколько ярусов. В верхней части живут люди, в средней части владения бога Эйя (океан пресной воды или подпочвенных вод), в нижней части владения богов земли, ануннаков, и подземное царство.

По другим воззрениям, семи небесам соответствуют семь земель, но об их точном членении и расположении ничего не известно. Чтобы укрепить землю, её привязали к небу верёвками и закрепили колышками. Эти верёвки-канаты Млечный путь.

Верхняя земля, как известно, принадлежит богу Энлилю. Его храм Экур («дом горы») и одна из центральных его частей Дуранки («связь небес и земли») символизируют строение мира.Таким образом, в религиозно-мифологических воззрениях народов Двуречья намечается известная эволюция. Если шумерская религиозно-мифологическая система может быть определена как основанная в первую очередь на общинных культах, то в вавилонской системе видно явное стремление к монолатрии и к более индивидуальному общению с божеством. От весьма архаических представлений намечается переход к развитой религиозно-мифологической системе, а через неё к области религиозно-этических воззрений, в какой бы зачаточной форме они ни были выражены.

Литература :

Литература Шумера и Вавилонии, в кн.: Поэзия и проза Древнего Востока, М., 1973;
Хрестоматия по истории Древнего Востока, ч. 1 2, М., 1980;
Эпос о Гильгамеше («О всё видавшем»), пер. с аккад., М. Л., 1961;
Крамер С. Н., История начинается в Шумере, [пер. с англ.], М., 1965;
его же, Мифология Шумера и Аккада, в сб.: Мифологии древнего мира, М., 1977;
Афанасьева В. К., Гильгамеш и Энкиду, М., 1979;
Deimel A. (ed.), Pantheon Babyloni-cum, Romae, 1914;
Dhorme E. P., Les religions de Babylonie et d Assyrie, P., 1949;
Bottéro J., La religion babylonienne, P., 1952;
его же, Les divinités sémitiques en Mésopotamie anciennes. «Studi semitici», 1958, № 1;
Falkenstein A. Soden W. von, Sumerische und akkadische Hymnen und Gebete, Z. Stuttg., 1953;
Lambert W. G., Babylonian wisdom literature, Oxf., 1960;
Kramer S. N., Sumerian mythology, N. Y., 1961;
его же, The sacred marriage rite, Bloomington, [1969];
La divination en Mésopotamie ancienne et dans les régions voisines, P., 1966;
Edzard D., Mesopotamien. Die Mythologie der Summer und Akkader , в кн.: Wörterbuch der Mythologie, Abt. 1, Tl 1, Stuttg., 1961;
Jacobsen Th., Toward the image of Tammuz and other essays on Mesopotamian history and culture, Camb., 1970;
Оппенхейм А. Л., Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации, пер. с англ.,

М., 1980.В. К. Афанасьева.